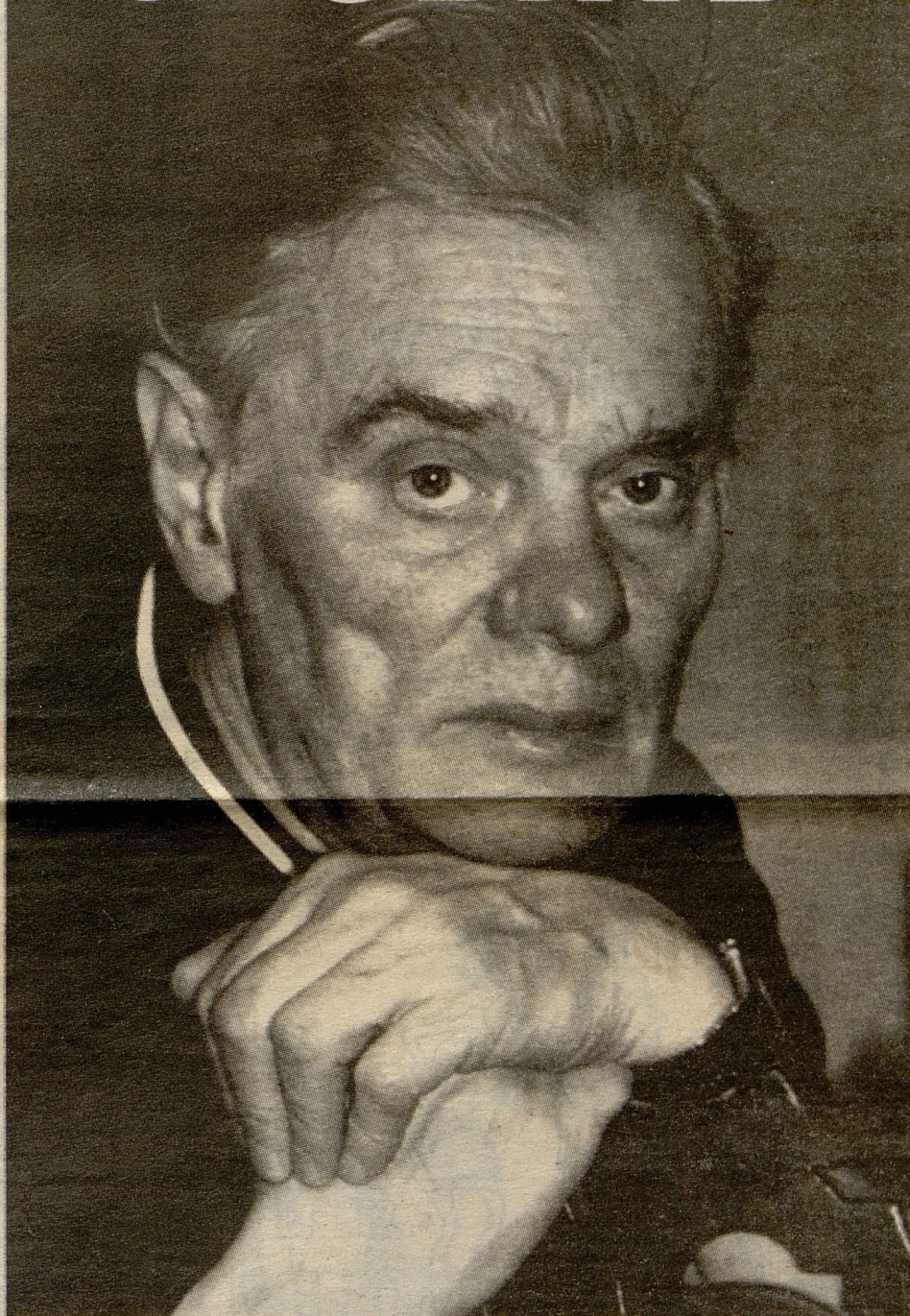

ARTES LIBERALES

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВ:
ВЕРИТЬ,
ТЕРПЕТЬ,
ЛЮБИТЬ

Рабочая комната Владимира Андреева в театре имени М. Н. Ермоловой до потолка заполнена разными интересными вещами: живопись, репродукции Кандинского на стенах, вазы, вышитые подушки на диване, сувениры, детские игрушки... Даже очков на столе — три пары. Хозяин при этом вовсе не выглядит Плюшкиным: спокойное и даже аскетичное лицо. А в разговоре все время ссылается на других людей, как будто мысленно ведет десятки диалогов — то спорит, то соглашается. То и дело принимается цитировать стихи. Что называется — «всего много». Собак, говорят, у него тоже достаточно — даже в театре...

— Как мне здесь нравится... А где же собаки?

— Только что перед Вашим приходом ушла Джуля. Ей надоело тут: шумели актеры, релетировали. Одна собачка в театре, одна дома, одна на даче — собачий человек по имени Малыш. Я его так назвал, потому что он был маленьким, а теперь вырос величиной со стол. Очень хороший. Скушает, ждет меня. А когда ему говорят: «Владимир Алексеевич сегодня придет», то ложится у калитки задолго до того, как я появлюсь. Звери помнят добро дольше, чем люди.

— Своих зверей я тоже подобрала на улице. Когда узнала о вас «собачьи» подробности, тут же решила про это поговорить: интересно же — а как это бывает у других людей?

— Джулю я подобрал 10 лет назад. Мы ее лечили. Она была совсем юная, но уже беременная. Рожала в театре, мы пристраивали щенят. Конечно, не обязательно всем надо любить животных. Но человек, который грубо может отбросить собаку ногой, так же может поступить и с человеком... Я и деревья очень люблю. Страдаю, когда их рубят. Раньше любил, приезжая куда-то на гастроли, отламывать веточку и говорить себе: вот посажу ее, и у меня вырастет дерево.

— На даче?

— Дома! Из Мексики привез обломок герани. Так она месяца в три вымахала в дерево со стволом, представляете себе? Есть у меня авокадо, есть пальма, привезенная из Пальмиры, из Сирии, есть у меня из Марокко привезенное дерево.

— А Вы из любви к природе стали вегетарианцем?

— Я снимался в фильме «Три дня вне закона». В эпизоде, когда пристреливают моего героя-мафиози, я посмотрелся бутофорской крови, которая была и на одежде, и на лице — раны такие, киношно выраженные... Отсняли эти эпизоды, поехал я домой в Москву. И вот остановился вагон на каком-то полустанке, и прямо рядом стоит корова. Смотрит на поезд, на окно, на меня, как мне показалось. И жует. Глаза прекрасные. И тут я подумал: вот ты сейчас любишь ее, а ведь иногда ты ее пережевываешь. И не захотел больше. А потом еще вспомнил слова одного немецкого артиста, сказанные в момент его глубокой ко мне благодарности: «Владимир, я хочу сказать тебе что-нибудь очень хорошее. У тебя глаза, как у коровы».

— Неоднозначный, извините, комплимент...

— Я только потом понял, что он не хотел меня обидеть, что он не об интеллекте моем говорил, а о выражении лица. И еще я вспомнил, как в фильме «Встреча на рассвете» играл зоотехник Чугрика, экспериментатора, решившего отправить всех коров на убой. И надо было прутиком загонять их в грузовик, дубль за дублем. Я смотрю — коровы плачут — и говорю: «Больше в дубль не войду. Хватит издеваться над животными». Сняли еще один и перестали их мучить... К старости я еще остаюсь существом достаточно импульсивным, и такие впечатления накладывают на меня отпечаток. Но это помогает своеобразно мыслить — больше чувствовать, чем мыслить. У меня мысль рождается от чувств. Пусть даже примитивная.

— А каково с такой системой мышления быть руководителем?

— Трудно. Я вот приехал в один город ставить спектакль. Ко мне подошел актер: «Скажите, это правда, что вы никого не выгоняете?» — «К сожалению, правда». Время идет, иногда индивидуальность перестает быть интересной, надо защищать эстетику морщин — не каждый способен это сделать. Одна физиономия вписывается в спектакли, в фильмы, она нужна, а другая перестает даже быть похожа на физиономию творческого работника. Но ведь люди способны страдать! Более того — любить людей надо, даже тех, которые наносят тебе иногда раны. Может быть, от собственных страданий человек накопил энергию неприятия и вылил это все на тебя? Надо уметь понять причину. Играть в добренького легко, быть добрым трудно.

— Добрым — трудно, знаменитым — некрасиво... Еще, говорят, виноватым — творчески непродуктивно. А Вы где-то сказали, что чувствуете свою вину за раскол Ермоловского театра. Вы-то тут при чем — были же тогда в Малом?

— При том, что дал себя увести и себе уйти. Видите ли, когда меня пригласили на первую постановку в Малый театр, она сложилась удачно для меня. Я поставил один спектакль, потом второй, мне там было комфортно и удобно заниматься делом. Нашлись люди, которые решили: мне пора, как говорится, расти. Было сделано одно предложение о переходе в Малый, потом второе, третье. Я ждал, что ермоловцы придут и скажут: «Боярин, боярин, не покидай нас, боярин!». Но они не пришли. Я четыре сезона пробыл в Малом, потом решил: чтобы сохраниться как личность и остаться самим собой, я должен существовать в обстановке более демократической. И ушел.

— Как вы расцениваете этот свой период и последовавший уход — как выигрыш или как проигрыш?

— Наверное, с точки зрения карьеры я проиграл. А с точки зрения познания и обретения хороших знакомств — выиграл. Я познакомился с творчеством Ильинского, Любезного, Хохрякова, Кенигсона, с которыми я очень дружил. И со многими другими. У меня добрые отношения с Юрием Соломиным: если мы встречаемся на каких-то приемах, то обязательно сидим рядом, а потом идем домой вместе, размышляем о театраль-

ных делах и делимся какими-то очень сокровенными мыслями и чувствами...

— После Малого вы ведь не сразу вернулись в Ермоловский театр?

— Да, не сразу. Я создал студию «Тест» из своих учеников. Это было время не то чтобы полуголодного, но более чем скромного существования, однако нам было хорошо от потрясающего чувства свободы. Когда ты эту свободу не отработываешь и ни от кого не зависишь. А потом, после раскола Ермоловского театра, меня попросили вернуться. И началась борьба за существование. Тогда я сказал себе: сделаю все, чтобы этот грех раскола искупить. Сейчас с человеком, который волею жизненной практики стал моим оппонентом — я имею в виду Валерия Фокина — у нас хорошие отношения, он пригласил меня почитать лекции об Андрее Михайловиче Лобанове, моем учителе. И я ему за это благодарен. Это поступок.

— У меня такое чувство, что Вы до сих пор все это переживаете, хотя времени достаточно прошло.

— Конечно, не тот я стал, не тот, покоя сердце просит, но сердце просит покоя не каждый день, а со своими воспоминаниями я не расстаюсь. В карете прошлого далеко не уедешь, но жизнь тебя призывает вспоминать то, что было. И тут я не согласен с людьми, которые говорят — а не надо жить воспоминаниями и мечтами, надо жить сегодняшним днем. Этим самым они обедняют себя. На основании опыта прошлого пытаешься и сегодня что-то выстраивать.

— Мне всегда интересно было знать — а вообще реально передать кому-то свой опыт?

— Конечно, находятся люди, которым твой опыт абсолютно неинтересен. Ну, было — было и прошло. Но мне интересно с молодым человеком, потому что я могу быть ему полезен! Сейчас я начал работать над новым спектаклем «Обманщики» и пригласил совсем юную художницу-сценографа, хотя, конечно, легче было взять опытного уже человека. И вот я сажусь с ней, с книгами по истории сценографии или с репродукциями французского художника Пино. А потом смотрю: берет этот ребенок или не берет? Берет! И приносит потом что-то уже складывающееся в образ будущего спектакля. Возможно, сделанное при помощи ее учителя Бархина или моих людей из постановочной части. И вот так, без ущерба для себя — мы поможем рождению человека, который будет уже жить после нас. Мои коллеги не всегда это понимают. Но я иначе не могу. Правда, иногда, найдя щенка, говоришь себе: «О, это не дворняжка. Это наверняка выброшенный кем-то роитвеллер». И когда предлагаешь такого щенка кому-то, можешь ошибиться с ущербом для себя. Но что делать — мы все так скросны...

— «Обманщики» Марсели Карне, которых вы сейчас собираетесь ставить, — это история о юноше и девушке, пытавшихся обмануть любовь, заменив ее сексуальной свободой. Однако любовь все равно приходит. И в результате трагичный финал. Почему вы выбрали такой материал?

— Да, это трагедия. Но я хочу, чтобы это была оптимистическая трагедия. Эта история должна оставить впечатление, что жизнь надо выстраивать так, чтобы она не была бессмысленной, бесполезной. Потому что через препоны ложного толкования счастья и смысла жизни все равно прорвалось божественное, прекрасное чувство любви. И то, что произошло у героев, должно, как эстафета, перекинуться в зрительный зал. Чтобы юноша и девушка, сидящие в зале, сказали друг другу: как хорошо, что мы вместе, как удивительно чувство близости. И не надо бежать от этих чувств. Нужно думать, верить, терпеть, любить. Кто-то может сказать: «Это все патетика». Нет, это не патетика.

— Конечно, нет. Но чтобы откровенно говорить об этих чувствах, нужна смелость. Вам самому не трудно быть откровенным?

— Нет. Хотя иногда я ловлю себя на том, что меня иногда раздражают «исповедальные беседы» некоторых людей. Но что делать: такие «исповедальные беседы» сегодня — это часть нашей жизни; хочешь — не хочешь, но когда задается вопрос, надо пытаться не врать. Так вернее. Приступая к новой работе, я делюсь с молодыми артистами не только своим опытом, но и запасами памяти, запасами чувств, которые еще не охладели. И чем откровеннее я ими делюсь, тем лучше.

— При передаче своего опыта другому человеку вы используете для пущей убедительности свои актерские данные?

— Конечно, разговаривая с кем-то из близких людей, интонационно пытаешься быть доказательней не только за счет рождающейся мысли, но и за счет того, как строишь фразу, как растрчиваешь свой темперамент, в какое его пускаешь русло. Когда ты чувствуешь, что должен быть человеку полезным и помочь ему, и проникнуть в собеседника, чтобы он тебя услышал — стараешься быть в это время настоящим, и конечно же, не актерствовать.

— А вот вашу домашнюю жизнь удается построить за гранью актерства?

— Дома я бываю меньше, чем надо бы. Мне иногда хочется утром проснуться и ничего не делать. Что это такое для меня? Наконец попытаться разобраться в моей очень большой, больше чем надо, домашней библиотеке. Иногда я начинаю искать, допустим, Ахматову, достаю томик и думаю: а когда же я его купил, этот томик, у меня же есть другой! И вижу, что у меня собрание сочинений Ахматовой — в пяти вариантах. Или: книга «Современники Пушкина о Пушкине» — здесь, а «Современники Пушкина в рисунках и портретах» — почему-то там...

— Много книг, много собак, много деревьев, здесь вот много картин... Вижу у Вас пирамидки на столе — верите в их чудодейственную силу?

— Кто-то принес в подарок, стоят. У меня очень много всего скапливается, особенно от детей: они все время приносят что-то в подарок, потом выбрасывать нельзя.

— Это изобилие как-то помогает творческому процессу?

— Это помогает мне сейчас знакомиться с Вами... Не принимайте меня очень всерьез, потому что я, знаете ли, очень несерьезный человек на самом-то деле.

Вера КАЛЫКОВА

Андреев Владимир

(№3). 03.03

(21)